Пролетарии всех стран Соединяйтесь

Библиотека

# Твори

Михаил Волков

# Летропикация

Рассказы

№ 1

Издание Московского Пролеткульта

В. Ж

Библиотека „Твори!“

---

МИХАИЛ ВОЛКОВ

# ЛЕТРОПИКАЦИЯ

Рассказы

Издание Московского Пролеткульта
1921 г.

Р. В. Ц. Печ. 3000 экз.

Типография Т-ва „Книгоиздательство Писателей в Москве“
Москва у Троицких ворот. д. 1|16.

1921 г.

# ЛЕТРОПИКАЦИЯ.

«Я верю, будет, будет
Электрофикация душ,
Вскрылят деревенские люди
Взрезая пропеллером глушь...

Мих. Герасимов

«Живем в лесу—пням богу молимся

(Пословица).

Закутавшись белоснежным платом — деревня Заволипиха тихо дремлет в розовых зимних сумерках, спросонок всхрапывая колодезными дыбами и полозьями дровней.

Избенки, уткнув в сугробы рыжие опележенные лики, вальяжно дымят цыгарками.

Изредка из-за околицы колышется по снежным волнам брюхатый хворостом воз, с захарканной морозом лошаденкой.

Кое-где из окошек уже начали дразнить сумерки огоньки.

Среди черневшей, разбросанной куриными следами изгороди, в раскоряке воротец—у околицы замаячил темный ком, и когда он докатился до первой избенки, хлопнул рукавицами с кряком: „ну и морозец“—нырнул в калитку.

...— Захлопывай, захлопывая скорей!.. Ишь, пару-то што напустил...

— Ладно, тебе на печи-то сидеть... Прогонять бы самого за двадцать верст, не то запел бы... Лексей Филатычу...

С печки болтнулись ноги.

— А-а, куму... наше двадцать одно с кисточкой. На то, кум, ты и чиноначальник... Небось не хвост собачий, а председатель... Шишка!.. Вот коли наше дело маленькое: с утра пробу произвожу... На-ко, затянись.

В дымной сизи пролетала красная муха.

— Ну-те к шуту... Дай хоть отогреться-то, губы смерзлись.

Председатель, прачмокивая сосульки на бороде, стал любовно поглаживать печку.

— Фф а!.. Пальцы что грабли—не гнутся... ровно и не мои... Эх, самогоночки бы теперь гоже дернуть... Да-ко затянусь...

Он—двумя пальцами словно клопа защемил окурок.

Вспыхнуло выпяченное лицо.

— Кхо-кхо... Ну и тютюн же у тебя... Заборист!..

Фукнул плевок.

— А-а, что?.. Свойский!..

— Свойский!.. Как же разделываешь?..

— Да што ты, кум, почитай, всю зиму с ним валандаюсь: и вялил, и в навозе томил... чево, чево с ним только не делал...

Зевнула дверь. Ввалился тулуп, в щели воротника торчит нос и клок бороды.

— Филатыч, к тее... Всю деревню обошел, дай, думаю, и к Филатычу забреду, разок-другой курну... Никак сват?.. Не признал—богатым быть...

— Ну, теперича богачество-то не с руки. Допреж коли богач—почет и уважение тебе, а нынче—намаешься.., Защиплют... Что было, что стало: ровно свет Божий другим ликом повернулся!..

— О-ох, и крепок же у тебя... Прямо под сердце так и шибануло, инда дух захватывает... Ух!.. У брательника Гаврилы тож ражист, да все-ж не-то, тот больше в голову ударяет... А вон у Яшки крестника слаб, быдто и не табак, а лопушник... Онадысь вдвоем почесть без мала целую шапку искурили и хыть бы те што. Быдто и не курили... Уж ты, Филатыч, весной семянышек-то мне на грядку ссуди...

Снова дохнула паром дверь.

— Тьфу!.. Ишь, сколько начадили... Забьется на печь-то, да целый день-деньской табачище жрет... Слазь с печи-то, гладкий леший, небось кирпичи насквозь пролежал... Хоть лучину в светце оправил-бы...

— И охота, кума, тебе лаяться-то... Нук-ее, затянись-ка, Палагеиха сама, разок... Табак-от разлюли-малина... Покурить все равно, что девку в щеку чмокнуть... Хе-хе-хе...

Забытая лучина жалостлино потрескивала и слезилась дымком; когда же Палагеиха приласка-

ла—от радости заплясала светлыми пятнами по потолку и стенам.

— Неча вам, лодырям, окромя делать-то... Шляетесь по деревне да табачище жрете...

— Ба, совсем было из ума вон... Комиссар в волостном баял, вишь ты, вышел быдто екрет, значит, дать нашей деревни летропикацию.

— Летропикаци-ию... Што така за вешшь?..

— Признаться сказать, я и сам не возьму в толк, что така за штука... Сунулся было к комиссару: так и так, мол, не растолкуешь ли... Да ведь теперича знаешь сам, как с начальством разговоры разводить, рта раскрыть не успел— сичас: „гражданин, тебе сказано, не мешай заниматься.“ А сам хоть бы дело делал, а то с девками, которые пальчиками у какой-то штуковины в роде как-бы у гармоньи лады перебирают,— шуры-муры разводит... Как был наш брат в загоне, так и остался...

— Ой, сват, не к добру это... Помяни мое слово... кака ни то советская затея... Не на щет баб-ли... думается слово-то бабье...

— Поперек горла что-то бабы-то вам стали... А може и взаправду хотят баб ублаготворить ситцем, али чево на обоглушку...

— Видала, кума, как лягушки прыгают... Коль не видала, так посмотри...

— А я смекаю, сват, так: всех баб хотят уравнять—обчими сделать потому война убыль народу...

ну, значит, на каждую бабу по мужику то и не достает...

— Обчи-ими... Тут и одного-то хахаля с шеи не скачаешь... да пропади пропадом все ваше мужичье проклятое, и не пожалеем.,. Пра, не пожалеем!..

— Заткни хайло-то!.. Не то довячишься—вот встану пороскну с печи валенком... Не так талды заскулишь... А вы чисто и о путном чем-о бабах разговор развели... Тьфу:.. Не-ет што ты ни говори, великое ослобождение нам будет—и землицей удовлетворят и от нарядов избавят... Только никак не соображу, откель власть-то о нашей деревне в екрете прочуяла?..

— Хо-о, нешто мало нашего народу везде болтается... Ну, при слове намекнул кто: так и так, мол, земляки страдают... А почему страдают?— Не достает тово-то и сево-то... Ну, значит, сичас екрет—дать им тово-то и сево-то... Я так смекаю...

Внезапно лучина лягушкой булькнула в воду и зашипела по-змеиному. Стены и потолок расплылись в темноте.

— Подем, сват, к Гаврюхе, еще подымим... Прощевайте...

---

Не раз и не два заволипихинцы всем миром гуртовались и умом по „летропикации“ раскидывали.

Дед Ерофей такую словягу загнул, инда весь мир обухом оглушил:

— Значит, у кобелячкинцев земля сам-пят дает,—та-ак!.. Наша, што и раскинешь, не собе-

решь, та-ак!.. Знамо дело, што из болота вытянешь... Вот то-то и оно-то!.. Смекните-ка, к чему я речь клоню... А-а вот-те и загвоздка!... Ну и слухайте, коли у меня разума-то и в пяте боле, чем у вас в чердаке... Значит, отобрать землицу у кобелячкинцев в оммен на нашу... Потому за нас Летропикацня, нам все можно...

Зашумел, замолол мир жерновами: „отобра-ать“..

Председатель на дыбы:

— Коль скоро этта самая летропикация на грамоте не расписана, коли выйдет не то, с ково спросится... Ково к исусу потянут?.. Председателя... Тебе, мол, дана впасть, ты и порядок блюди...

— Курья голова, чать, постановили обчим собранием...

— Землицы-то я и сам не прочь бы...

— Сватья Соломонида, которя в Кобелячково дочку прошлогодь выдала, сказывала: „тамошние мужики косы с топорами навострили... Бают, головы положим, а землю не отдадим“...

— Ты бы хоть свой бабий язык-от длинный гашником от мужниных порток привязала...

— А не разведать ли нам, православные, у мово племяша Кирюшки... Вечерась с фронту на побывку пришел... Може, где этту Летропикацию и повстречал...

— Чево разведывать-то... Появилась матушка Летропикация, царица, небесная чудотворица во спасенье наше...

— Уж это бабьё... Без чудотворицы никак не

обойдется!.. Сенька, навастривай-ка за Кирюшкой— мир требует...

Сенька мотнул красной, как подосиновый гриб головой и—был таков.

Пришел Кирюшка—штаны, ровно „ферт"—и речь повел:

— Товарищи, электрофикация—великое дело. Она приведет с собой и культуру... Делается так, проведут провода везде... Скажем, хочешь свету— сейчас кнопку—чик и горит... Пахать время, и лошаденку гнать не надо. нажал пуговку,—и машина пашет... Ты сиди себе, да книжку почитывай, науке учись...

Дед Ерофей лопнул:

— И в ково-ж ты Кирюшка, пустомелей задался: отец покойник был человек набожный, мать тож слова зрячего не бросит... Эх ты, голова садовая. Этту сказку-то про Емелю-дурачка, что на печи пахал, еще на свете тебя не было—слыхивали... Вот оно што!.. Ишь, сказал: нажал пуговку... Сем-ко я у порток пуговку нажму—што... Гляньте-ка, православные, не пашется ли поле-то?.. Хе-хе-хе...

Заржал табуном мир:-ха-ха-ха!..

— Думаешь, штаны то с пузырями надел...

— Подождите, будет электрофикация, и сами галифе наденете...

---

Бродит нищий Лисей по Заволипихе, и к окошкам прикладывается: христараднечает.

Кое-кое оконце кусочком с воробьиный носочек плюнет—больше в пустую, зато в каждом спросят:

— Што, Лисей, не чуть про Летропикацию-то?..

— Слышно, касатка, идет, идет... Дослышала матушка заступница Летропикация. наши грешные молитвы и грядет со славою судити живые и мертвые...

— Истинно останние времена доживаем... А порки-то, Лисей, нашто лычком закрутил?

— Как же, касатка, бают, Летропикация-то матушка без галифея к себе не приймает... Хоть хлебца даст, и на том спасибо... А то день деньской мыкаешься, мыкаешься по окошкам... Обиды-то што натерпишься...

— Такое твое дело, Лисей... Вон наши мужики тож ошалели: все порки на голифеи испортили... И хо-дят, чисто журавли тонконогие... Жили же допреж и без галифеев этих самых... Жили себе потихоничку-полегоничку... И-их...

Оконце звонко по-волчьи щелкнуло зубами. и Лисей, „поминая родителей", плетется дальше.

---

По весне, когда болота закоростились и засмердили дохлым покойником—в Заволипиху нагрянула „Летропикация": народ-скипидар, пиджаки кожаные, с суконным рылом лучше и не подступайся.

Боронят затылки заволипихинцы—не поймешь: кличут: „товарищи", а прикрикивают по-барски.

У Сидора Глотова прируб заняли.

Был кулак Сидор Глотов в загоне—теперь сразу нос на второй ярус.

По улицам идет—не столько шагать-шагает, больше пузо парусом плывет.

Оконницы рты разевают:

— Сидор Петыч, што слыхать?

Кому ответ. а кому и нет.

Коли ответ: „да што, ничево себе... Думам к Петрову дню двадцать фонарей на дугах вывесить—деревню светить... Вишь ты, хомутаторов не хватат... Ожидаем из чужих земель... Своими, не знаю, обойдемся ли...

Деревня, как мыши по одонку копны, заметалась.

— Батюшки, дуги да хомуты отберут, чем же запрягать будем...

К Сидору потянулись:

— Сидор Петыч, порадей миру... Што хошь возьми, только выручи... Нельзя ль фонари-те этак на жердях вывесить... Жердья мы хоть сто возов доставим... Эва, лес-от под боком...

— Што-ж могу... Ввернул анжинеру при случаи слово —и дело в шляпе... Анжинер без, мово совета ни шагу, потому я все понимать могу... Хоть он и немчура—больно чудно говорит то, да как ни хитер немчура, а до нашего брата русака по уму дале-ко... Вечерась, други мои, возил анжинера на Чухино болото с каким-то кожаным барином. Бормочут почесть всю дорогу, слышу, слова-то быдто наши, а сообразить не смогу... Думаю, не белая ли гвардия... Боже сохрани!.. про-

падешь ни за понюшку табаку... Ладно, слушаю, што дальше будет—однова пропадать... И смекнул таки: Рассею продает анжинер-то наш. Торгуются... значит, а на деньги не наши, иноземные. Анжинер требует: 200 вольтов, а кожаный барин только 130 ампёров дает, мол, куда и Расея годится после бальшаков-то... Хотел было в лес от них утечь, да боязно: пальнут в загорбок-то леворвертом—и пропадешь, как собака без покаянья.. Потом барин тот и говорит нашему: высоко напрягаешь... Тут, братцы мои, я уж не вытерпел, как прысну... Анжинер мне; „что, дурак, заржал?“.— Кто-ж, говорю, высоко запрягает, высоко подседлывают... Подтянешь, этак, черседельник покруче, лошадь враз захрипит... Посоветывать-то я посоветую, но штобы, того, по полпуду ржицы с рыла было мне представлено...

— Скости, Сидор Петыч, сделай милость... Сам знаешь, дуранду едим.

— Мене... ни—Боже мой!.. Дело трудное... небось не мужику, с бухты-барахты не ляпнешь... И то берусь, потому душа у меня больно жалостлива: сам знаю, что мужику без дуги и хомута зарез!..

---

В Заволипихе, что ни день, будто ярмарка: беседы гомоном-гомонят, от парней, как от мух, отбою нет, девки совсем зачижились—лахудрами стали.

Сваты и днюют и ночуют на беседе: моргни какая девка глазом—вмиг по рукам расхватят. Да заволипихинских девок на кривой не об'едешь, а шест, как бог свят, получишь.

Парням заволипихинским лафа: невест, невест— голова закружится.

На что Терешка Секлетихин—парень валенок-валенком, прежде самая-то бросовая девка и то не подумала бы пойти за него... Женился!.. Да кого еще взял-то: у самого Михея Прова—„пискулянта"—дочку.

Про приданое и говорить нечего: одной соли с пуд (и всего-то только на 10 фунтов тесть обвесил и стекла битого малость подсыпал), да керосину с полпуда, да мяса—два пуда... Прикинь-ка на советские—сколько косых вытянет.

Можно им гордыбачиться--коли „летропикация" у них.

Теперь в Заволипихе все пошло по-образованному: скажем, почнет кто из себя Ивана-Кириллова, богатого мужика, строить, и надо ему с шеи спесь сгладить, так не скажут просто-напросто: „покроемте-ка его, братцы"—а скажут: „навольтим-ка ему по первое число, уж больно амперится, ишь лизолятора какого разыгрывает".

И навольтят... Вон Микитке-Косоглаз еще по Троице как печенки с селезенками перемешали— сейчас Петров день на носу, а он к постели прирос.

Погнали заволипихинцев на Чухино болото канавы рыть.

Покряхтывают Заволипихинцы—крепко покряхтывают, видят, что не дело: спокон веку в болотной рже одни лишь кикиморы ныряют, да помалкивают: нужно ж для Летропикации потрудиться...

Плачет болото ржавыми слезами и всхлипывает под ногой, словно молодайка, которой раскураженный муж слегка заехал в зубной частокол.

Сбежали болотные слезы по канавкам в балочку—глядь: десятин пять косовины ни весть откуда взялось.

И дивятся заволипихинцы—чудное дело: нарыли из болота земли, машиной чавкнули, кирпичиками для просушки сложили—говорят: будто торфом вместо дров гореть станет... Это земля-то!..

На пригорке стройку соорудили—трубу, как палец, кверху подняла.

Войдешь в стройку: ад и ад кромешный, точь в точь на картинке страшного суда, инда жуть берет.

Машина красный рот—нет-нет да разинет и торфу хап, а сама ровно в лихоманке дрожмя дрожит.

Колесо: стоит—колесо, закрутится—пропало... Думается, впряги в телегу хоть согню лошадей и то так не завертится.

Глянул дед Ерофей, бородой потряс:

— Знайте, православные, без нечистого тут не обошлось... Нет не обошло-ось... Нук-се поверни-ка

таку махину... Во-от!.. А он, окаянный, вишь из пекла красные зубы щерит, да пофыркивает... Емо што!.. лишь бы народу побольше в свои лапы заграбастать... Вот оно што!..

Там столбов понаставили—паутиной проволоки к избам опутали. В избах под потолком пузырьки в роде прежних казенных шкаликов подвесили.

Повернешь какую-то хреновинку— и огоньки засветится: ни высекать ни раздувать не надо, а горит: ни чаду, ни копоти.

Только огонек-то уж больно не, приветлив: не моргнет, не полыхнет, а все норовит, как бы, избу на изнанку вывернуть: и прорехи, и копоть, и грязь сразу выявились, а ведь сколько годов в избе-то, словно черви копошились, не замечали.

---

Понадобилось Палагеихе огонька: лампадочку, ради праздника, перед Заступницей затеплить, посовалась туда-сюда,--ни огнива ни трута... „дай-кось, думает, стеклышко сыму, да лучинку зажгу“...

Повертела. повертела—подалось стеклышко, а оттуда: „ка-ак бес-от бахнет, да за рученьку цоп и улетел во тьме“...

Палагеиха со страху так и обомлела: опамятовалась—деревню криком всполошила: „крау!.. крау“!..

Мужики на улицу шарахнулись, бабы за горшки и в голос: „горим!.. горим“!..

Забурлила Заволипиха: „чево-ж бесовым огоньком морочат нас... Вали-ка, братцы, к анжинеру“...

И покатилась по деревне людная волна, встречный тын по колышку разнесла, у Сидоровой избы прибоем зашумела:

— Эй, ты, анчихрист, выходи к ответу...

На крыльце вырос инженер:

— В чем дело, граждане?..

— Чево-ж это канитель нам разводишь!..

— На какой ляд стеклянки в избах повесил!..

— Об'явили, летропикация будет к нам... Думали хоть вздохнем послободнее... А ты бесов огонь подсунул!..

— Што это за огонь, коли ни зажечь, ни прикурить от него!..

— Стойте, стойте, граждане. не все вместе говорите... Я раз'ясню вам... Да ведь этот свет и есть электрофикация.. Что же вам еще надо?..

Ну и огорошил же инженер заволипихинцев, инда мозги шестернями несмазанными заскрипели: „не-то врет, не-то правду говорит"...

Потом—не крик—медвежий рык раздался:

— Убирай свою летропикацию!..

— Граждане, граждане...

— Не желам!.. Лупи, братцы, чортовы пузырьки!..

— Слушайте, граждане... Да выслушайте же наконец!.. Скажите, часто ваша деревня горит?

— Году не минет без пожаров... Просто разоренье!..

— Супротив воли божьей не пойдешь...

— Видите, граждане... Тут „воля божья" н

причем, а все от вашей неосторожности с огнем... Да и при всей осторожности не убережешься: пошел в сеновал со свечей или лучиной, нечаянно заронил искру—и пожар... Вам дали безопасный свет, и вы еще не довольны... Сунь лампочку хотя в сено, и не загорится...

— Так и не загорится?..

— Давайте испытаем...

Вмиг лампочка в охапке сена зацвела:

— Подкинь, подкинь еще сенца-те!..

— И взаправду не загорается!..

— Вот так ого-онь!..

— Кабы я не сгорел... разви маялся бы так!..

— Корпеешь, корпеешь за работой-то... хвать пожар и все прахом...

— Да мы без пожаров-то во-как жили бы!..

— А-а, кум, што, не говорил, дельная шутка будет?...

— Верно... Ну, теперича Заволипихе не гореть!..

— Спасибо, што на ум наставил... Вот как спасибо!..

— Дед Карней закаркал:

— Православные... Не поддавайтесь бесову наважденью... Душу-те не губите... Вот оно...

— Ты, старый хрыч, всех взбаламутил... бес... бе-ес!..

И растеклась людная волна по избам ручейками, с тихим журчаньем:

— Заволипихе не горе-еть...

8/IV. 921 г.

# КЛОПЫ.

В окошко подвала подслеповатыми глазами глянуло тусклое утро.

Зазияли лохматые раны обоев и зацвело лоскутное одеяло, с выглянувшими из под него клюватыми ступнями.

На койке, голосом старых кузнечных мехов, распевал песню сон.

Вот одеяло зашевелилось, сон спрыгнул с койки, на подушке, затопорщилась овчина головы, а сучковатые руки ззскрежетали по спине.

— Ах ты, кровопийца!.. Постой... постой, во-от я тебя.

Насупротив, в углу затарахтело и оживели рассыпанные по подушке пряди льна.

— Ты чево, Кобячек, егозишься то?.,

— Вон кровопийца потянул, потянул моей кровушки, да и на утек... Каково спала, каково почивала Ниловна?..

— Ой, не столь спалось, сколь грезилось... Не чуть стрельба-то?..

— Кажись, пристали... Пора бы, который день палят и палят... Чудные дела нынче пошли, воюют

свои со своими... Как только супротивника - то узнают... На лбу ведь не написано: не то враг, не то единомышленник...

— Что и говорить, как есть ошалели...

— Ать!.. ать!.. Вот и попался... Ишь ты, вырывается, разбойник... Клоп, клоп, а тоже пожить хочется... Понимает, что давну — и капут его жисти клопиной... Кабы народ так жистью-то дорожил — тогда не воевал бы... скажи на милость, для чего столько молодого люду губят... Ах ты... убег, мошенник!..

— И-э-хо-хо... Селифан-то жив ли... Не чуть... Селифан, а Селифан?..

— Эй, Селифан!.. подох што-ли, старый хрен!...

На полу, в куче лохмотьев затуманилась борода и слабо блеснула плешь.

— Ах, ядрена - зелена... Тьфу!.. опять в конуре... А только что сидел на бережку Волнушки... Солнышко, травка, птички этак чили-чили... Душа радуется!.. И вот, други мои, не успеваю удочку забросить... поплавок — нырк... Значит я удочкой этак чик — наподсек, окунь... Закину опять. нырк... чик — и окунь!., И пошло: нырк — чик, нырк—чик!.. И начикал я мигом полнехоньку ведерку... Да все ровнячок — этак на фунтик, что не больше...

— Не тревожил бы хоть... Бывало, на жнитьбу али на косьбу раненько по утречку выйдешь, да как глянешь по сторонам... Нешто словами - то

выскажешь, что сердцем чуешь... Не-ет, не перескажешь...

В голове Ниловны мысли заплелись плетнем, никак не распутает.

— Развели турнусы на бурнусах... Словно и дело... Какие землеробы, подумаешь... Где чайник-то?..

Сердито тявкнул на них Кобячок и старчески закашлял под его ногой ступени за дверью.

* * *

Рассвет снял шубу, распоясался, развесил одежонку тенями по углам подвала и разметнул русую бороду от конца до полу.

Вернулся Кобячок, в его руках плевался кипятком чайнпк.

— Ну, и холодище... Брр!.. Так и пронзает насквозь... Кабы товар не портился — век бы сидел дома... Вои яблоко-то пятном подернулось... Завтра же за мякушку продавай... Своих не выручишь...

— Да, по годам-то время бы нам и на печи полеживать, да покрикикивать: эй, Сенька, Ванька, Тараска, пора за дровами ехать... А на печи-то: под спиной теплынь, все равно што на солнышке лежишь... На потолке тараканы усиками пошевеливают, шушукаются... Эх, ядрена-зелена!.. И житье было бы... помирать не надо...

— Замолол, замолол... Давайте-ка, старики, чаевничать...

Старики зафыркали чаем, катая по беззубым деснам крошки сухарей.

— Вот подберем останние крошки, да и помирать ляжем... Не выдают хлеб-от?..—обронила Ниловна, подклевывая пальцами крошки на столе.

Кобячок шумно уркнул с блюдечка.

— Ишь, чево, старая, захотела... Хле-еба... Хм!, теперь только свинцом да. словами в волю кормят...

— Што-ж, иной раз и слово бывает пуще хлеба... Душу хлебом не накормишь, а словом ублаготворишь...

Заплел было кружевное слово Селифан, да Ниловна враз оборвала нитку.

— Ты, юродивец, уж молчал бы... Душу... душу... У кого теперь душу—те найдешь!.. Только и норовят, как бы друг дружке горло перегрызть... Говорили, прежде царь помеха всему... Смахнули царя, и опять по-людски не живем... Только пуще перегрызлись... А кто жил в довольстве да в холе, и теперь тот в довольстве живет... Мы как гнили в подвале, так и догниваем... Вот тебе и уровняли всех!..

Замолкли...

На лица стариков спустился задумчивый летний вечер, когда пережитое, как старую рухлядь, трясешь перед собою: нельзя ли как-нибудь перелицевать...

* * *

За дверью дзинькнул детский голосок:

— Няня, я к бабуске потей...

И другой голос, плоский, как курносое лицо, зазудел:

— Нельзя, Витик... Нельзя, мама не позволяет...

А голосок все звенел:

— Я хосю...

Внезапно в подвале расцвел розовый цветок с золотистыми лепестками волос...

За ним, заснежился передник няни:

— Витик!..

— Ах, касатик... Чай, рученьки-то иззябли... Сядь, ласточка...—закудахтала Ниловна.

— Бабуска, а скаску... Жиль биль вольк...

— И сказку скажу, золотцо...

Кобячок загомозился в своем магазине, выбирая „чуть с пятнышком" яблоко...

— На-ка, красавчик, пожуй...

— Не бери, Витик, мама не позволяет!..

— А ты, Дуняша, не ерепенься... чай, и мы тоже люди... Вот так вот, почитай, с малых лет к брезгованью к людам приучают...

— Барыня не позволяют...

— То-то вот барыня... Ребятки, что наши, что барские—все ангельские душеньки... А наерундят ему. ты, мол, и такой, и сякой... благородный, а другие шваль... Вырастет и ну кичиться...

Небось и воюют из-за того: одни кичатся, другие в злобности к ним за униженье.

* * *

Лестница торопливо затараторила ступеньками... Сорокой впорхнула мама Витика. По белому платью черными крыльями плеснулись концы платка.

— Фи-и... какой ужасный воздух... Дуняша, я тебе сколько раз приказывала не водить сюда ребенка... Еще заразится чем... Такая грязь, такая гадость... это же конюшня... Разве так живут люди!.. Передай Ивану, чтобы непременно выселить этих стариков... Иначе эпидемию еще какую в доме разведут...

Лицо ее красно, как облако перед ветровым заходом солнца.

У Ниловны глаза тускло замерцали:

— Куда же мы, барыня, денемся... Жили и при батюшке вашем покойном... Сколь родов жили...

— Это уже предоставляю вам озаботиться о себе—куда деваться...

— Мама, мне бабуска яблок дала... о-о—какой... Развел Витик ручонками— в разводе и арбуз поместился-бы.

— Боже мой!.. Они его гнилыми яблоками накормили... Желудок разной гадостью расстроят... Дуняша, так-то ты смотришь за ребенком...

— Я... барыня...

— Замолчи!.. Сейчас же получишь расчет...

Пойдем, Витик, милый... пойдем, я тебе касторкой очищу желудочек...

— Мама, я бабуску дяму... Да мама...

— Идем, идем... Дуняша, возьми его на руки... Не забудь передать Ивану, завтра же выселить их...

Витик молодым воробушком барахтался в цепких лапах Дуняши, его унесли.

— Грязно, гадко... А мы виноваты, что нужда гонит нас в подвал... Нешто мы прочь пожить бы в хорошей квартире... Как Господь привел... Э-эх' господа... никакого понятия к человеку нет... Старики, торговать не пора ли...

Старики надели на руки „магазины" и закряхтели на улицу.

## II.

День вышел — не в духе: хмурился облаками, лишь изредка ухмыляясь солнышком. Редкие снежинки долго кружились над заплаканным лицом мостовой, как бы боясь запачкать свои прозрачные юбочки. Ветер зубами впивался и рвал дряблое тело стариков, скрючившихся у ворот над корзинами.

— Плохи дела-те, Ниловна... Так торговать— проторгуешься...

Ниловна только вздохнула. Скрипят ворота, скрипит и Кобячек:

— Кого в такой холодище без нужды на ули-

цу выгонишь... А вон Селифан уж дремлет... Небось, рыбу удит... Хоть сыт, хоть нет, — ему все равно... только бы о рыбке подумать... Селифан!.. Клюет!..

— Ах...—встрепенулся Селифан, хватая удочку.

— Ха-ха-ха...

Вдруг над улицей, в зыбучую морду неба, с размаху бухнул снаряд. Ляскнули дрожью стекла. За ним другой, третий... затарахтели пулеметы... Зочмохали ружейные выстрелы, и пошло, и пошло...

— Нача-алось...—перекрестилась Ниловна,—батюшки, как близко-то!.. К нам не подобрались бы..

Из-за угла разноголосо захахакала толпа, с ружьями, так и сяк...

— Эва-на, где буржуи... торг развели!..

— Ну, и буржуи!..

— Старики, утекайте-ка поскорей с своими корзинками... Не то плохо придется... Юнкера соседнюю улицу заняли... Сейчас сюда стрельбу откроют!..

— Подожди, товарищ Дроздов, гнать их... Дай хоть яблоко купить...

Внезапно окно над их головами ужалила пуля—заплакало стекло.

— Эге-е!.. Потарапливайтесь, товарищи!..

— Родной, никак выбрал пяток... Кажись, не додал за все-то?..

— Скидка, бабушка...

— Отдай. Зубков... Тебе бы все зубоскалить!..

— Товарищи, идем, идем!..

Улица опустела.

Жужжа носились пчелы и впивались в стены.

## III.

В подвале сумерки темнотой обняли стариков, только огонек копчушки лаская чуть-чуть поглаживает их лица...

Кобячек разбирает свой „магазин“, шепча: „мякушка“, „дрыск“ „с пятнышком“...

...— Боже мой, Боже мой... Две пули в квартиру влетели... Зеркальный шкаф вдребезги!.. Едва меня не убили!.. Спасите, спасите!..

Раскатилась по подвалу мама Витика, за ней занеуклюжилась и Дуняша, с Витиком на руках.

— Успокойсь, барыня, успокойсь... Авось Бог милостив... Говори слава — те-Господи, что не зацепило...

— Га-а-а... лосадку забый...

— Дако мальца-то... Лошадку забыл... Ай, ай... какое горе... А хочешь сказку... Жили-были два брата Василь да Кирилл, накосили они стожок сенца, пришла серая овца и съела стожок сенца, не начать ли сказочку с конца...

— Лосадку забый... га-а...

— Ничево с тобой не поделаешь... Где же лошадку-то оставил?...

— В конюсне...

— В детской...—подсказала мама Витика...—Дуняша, принеси...

— Мне, барыня, свет Божий пока еще не опостылел...

— Ладно уж, схожу...—завздыхала Ниловна к двери...

Поднялась Ниловна в барскую квартиру, да так и ахнула... все-то шелк да позолота... А столов, стульев—хоть полсотни людей усадишь.

Видит—солдаты из окошка палят, кои на полу в кучу свалены...

— Никак мертвые?..

— Нет, живьем умерли!..

— Тебе чево, старуха, здесь нужно?.. Утекай, знай скорее!..

— Мне бы вот мальцу игрушку взять...

— Игру-шку... Смотри-ка, как мы разыгрались!..

— И впрямь, до слез, чай доигрались...

А снаружи по стенам хлещет свинцовый дождь и брызжет каплями в окна, капли мимо Ниловны со свистом рассыпаются...

И заполз к ней в душу, как червь в яблоко, страх: просто не знает, как и до подвала докатилась.

*
* *

...— Приляг, касатка, с мальцом-то на койку.. чай-то притомилась...

— Квартира... вещи... мебель... все перепортят, растащат!..

— Не горюй... все перемелется—мука будет... Наживете еще... Дал бы Бог здоровья...

Мама с Витиком кисло улеглась на койку...

Подвал замер, только где-то шуршала мышь, словно перелистывала книгу, да Селифан с Кобячком в перегонки гнались храпом.

Из-под обоев выползли два клопа, пошептались о чем-то и заковыляли один к Витику, другой к маме.

На носу Дуняши уже орудовали несколько клопов.

Заснула и улица тишиной.

* * *

.... — Ты, мякушку-то, барыня, выбирай... Скуснее!.

— О, Боже!.. Даже и во сне не снилось, что попаду такую... такую обстановку...

— Ништо, касатка, поживем еще... Слава те, Господи, что яблоки остались... Не то подыхай и подыхай...

— Что это за жизнь!..

— Ничего, касатка, привыкне-ешь... Ко всему привыкнешь... Мы вот всю жизнь так маемся...

*

Так свинцово-ненастилась улица без мала — неделю.

„Мякушки" почернели--съели.. доели и „дрыск".

И странное дело: животики у Витика и мамы не болели...

Ниловна пыталась высунуть нос на улицу.

Вернулась—только руками развела—такие страхи—просто уму помраченье:

— „Кремль до кирпичика разнесли, а под порушенными Никольскими воротами стоит на воздусях чудотворный образ святителя Божия Николы угодника... Грудочка у него, батюшки, прострелена, кровоточит... из глаз слезинка за слезинкой так и бегут... так и бегут... Скорбит милостивец, за нас, окаянных...“

— Разрушить Кремль... Такое святотатство, даже представить невозможно... Это вандалы какие-то... ничего святого для них нет...

— Справедливы твои слова, барыня... Истинно, хуже разбойников... Только никак не возьму я в толк... из чево же так упорствуют-то они...

— Понятно, из-за грабежа...

— Если бы пограбить... Пограбили, пограбили и успокоились бы... А то почесть целую неделю лупят друг дружку... Нет, тут что-нибудь да не так... Тут великая злоба, а не грабеж... Мы люди темные, всего понять не может...—встрепенулся было Селифан...

— Уж ты удил бы рыбку лучше...

## IV.

Разведрилось.

Временами еще аукались заблудившиеся где-то выстрелы.

И хмурились пустыми окнами изъеденные оспой лики домов.

Улицы закипели людом. Кучками и в одиночку шаркали они по румяной, от чьей-то крови, мостовой. Лица одних зеленели шипеньем, других—лучились радостью.

А вдоли рокотало:

...Вы жертво-ою пали в борьбе роковой

Любви беззаве-етной к наро-оду...

Слушает Ниловна, слушает и Кобячек, а думка грызет душу:

— Вот-те и чист купец... ни денег, ни яблок..

## СОДЕРЖАНИЕ:

## Книги Михаила Волкова:

Червяк—рассказы Изд. Московского Пр—та.
Летропикация „ „ „
Заковыка—рассказы и сказки. Изд. Петроградского Пр—та.
Чудо — рассказ. Изд. Всерос. Ассоц. Прол. пис,
Петушок „ „ „ „ „
Новое лычко—рассказы Вятского Гос. Изд. (печатается).
Господь в гостях и др. пьесы. Изд. Моск. Пр—та (печатается).
Рассказы и сказки 1918—21 г. (готовится к печати).